

Во-первых, ее нетребовательность оборачивается значительными временными затратами на сбор информации. Неконтролируемый процесс сбора может затянуться дольше предполагаемого срока. Поэтому техника может быть полезной только социологам, значительно включенным в учебный процесс, постоянно находящимся в коммуникациях со студентами. Специально инициировать проникновение в студенческую аудиторию, чтобы задавать вопросы в надежде получить информативные «ненаправленные» высказывания, неэффективно.

Во-вторых, остро стоят вопросы репрезентативности и валидности информации. Данные ненаправленных высказываний будут характеризовать определенную социальную группу — студентов вузов и социальные события, с ними происходящие, и, лишь иногда, преломленные через призму их социального воображения, иные социальные процессы и группы общества.

В-третьих, ненаправленные высказывания могут оказаться артефактом, т.е. тем представлением, которое сам исследователь случайно сконструировал и вербализировал, а обучающиеся затем воспроизвели.

В-четвертых, целый веер этических вопросов. Учебные задания подразумевают ясную шкалу оценок. Добываясь ненаправленных высказываний, исследователь ставит под сомнение свою возможность оценивать ответы. Техника ненаправленных высказываний — это вид скрытого исследования: те, кто в нем участвуют, не могут быть оповещены о целях исследования и даже о том, что они включены в исследование. Тем самым проблематизируется поле доверия «учитель–ученик».

Методологическим обоснованием для использования этой техники может стать фраза одного немецкого социолога: «Знаете, если бы мне действительно было нужно понять итальянское общество, я бы не рассылал анкеты, а пошел бы в кафе за углом. Чтобы понять немецкое общество, я иду в пивную, а если я хочу понять британское общество, иду в паб. И там просто смотрю по сторонам»¹.

Технология изучения социального дна: развернутое описание случая

Ярошенко Светлана Сергеевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данной работы — представить и обсудить методику монографического изучения «новой» бедности в постсоциалистической России, проводимого в течение десяти лет совместно с коллегами из сектора экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Изучение бедности было начато в середине 1990-х гг., то есть практически одновременно с ее расширенным распространением на работающее население. Основной задачей изучения феномена, который еще только появлялся и кристаллизовался, было понимание механизмов его (вос)производства. Для решения задачи как нельзя лучше подходил метод развернутого монографического исследования, который позволял фиксировать изменения в социальном контексте и предоставляемых рыночной средой возможностей, в значениях и смыслах, приписываемых материальному достатку, в стратегиях (способах) его достижения.

Метод развернутого монографического исследования (*extended case method*) разработан Майклом Буравым, профессором социологии Калифорнийского университета (Беркли, США). Он основан на принципах, альтернативных четырем «R», предложенных Дж. Катцем и ассоциируемых с позитивизмом: *Reactivity, Reliability, Replicability, Representativeness*². Они были критически осмыслены в ходе двадцатилетней исследовательской работы Буравого в различных странах, испытывающих трансформации. Таким образом, *реактивность* (*reactivity*) достигается не за счет дистанцирования, а через взаимодействие с объектом исследования; *надежность* (*re-*

¹ Цит. по: Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 4.

² Katz J. A theory of qualitative methodology: The social system of analytical framework // Contemporary field research / Ed. by R. Emerson. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, 1983.

liability) достигается не за счет стандартизации ответов, а через интерпретацию смыслов слов и поведения индивида(ов); *повторяемость* (replicability) признается недостижимой, а потому требуется необходимость учета особенностей социальной реальности, постоянно меняющейся и контекстуальной; *репрезентативность* (representativeness) предполагает выведение теорий или научных объяснений не только из фактов, но и из реконструкции старых теорий¹.

Данный метод был дополнен сочетанием этнографических методов (детальное изучение случая) с опросами в одной точке. На протяжении десяти лет, с 1998 по 2008 гг., было проведено два лонгитюдных исследования о причинах постоянной бедности и стратегиях занятости среди официальных бедных, а также три опроса: о стратегиях выживания в 1998 г., эффективности социальной поддержки в 2001–2002 гг. и ценности успеха и стратегиях его достижения в 2006–2007 гг. Уникальность полученной информации в том, что она позволяет восстанавливать смыслы и значения, приписываемые «бедности», примерять их к определенному социальному контексту, отслеживать изменения во времени и реконструировать как исследовательскую позицию, так и «устаревшую» теорию.

В статье делается попытка раскрыть правила развернутого монографического исследования и представить то, каким образом они реализовывались нами в ходе изучения бедности в России после реального социализма.

В целом, исследование, полагающееся на правила монографического исследования, показало, что экономическая и социальная политики, а также действующая система социальной поддержки не учитывают в должной мере реактивное поведение населения — конструктивные/деструктивные практики совладания с нуждой низкодоходных, или «слабо-ресурсных» групп населения. Данная система скорее ориентирована на поддержание существующего уровня потребления и не стимулирует развитие деловой активности обращающегося за помощью или ожидающего поддержки населения. Акцент современных технологий выявления и защиты нуждающихся исключает из поля зрения достигательские формы реагирования населения на ситуацию материальных лишений, например, предпринимательство. Кроме того, выпадает из поля зрения категория проблемных семей, которые не обращаются за помощью, но составляют основу застойной бедности. Почему это происходит?

Выход в поле, или Погружение в мир информанта

Правило 1. Интерсубъективность вместо реактивности: *«Социальные науки отличаются тем, что мы являемся частью изучаемого мира. Нам не избежать отношений с теми, кого мы изучаем. Эти отношения могут быть не реальными, а фактическими, подобно тем, что свойственны демографам и историкам, но тем не менее они существуют и управляют нашим отношением к теории и фактам»².*

Восхождение к теории было сопряжено с эмпирическим исследованием и со стремлением опытным путем определить способы выпадения из ранее состоятельных групп и складывания слоя постоянно бедных, для которых нужда становилась замкнутым кругом.

Еще не классифицируемая как «застойная», бедность в середине 1990-х гг. уже воспринималась как проблема, присущая не только «буржуазному», но и меняющемуся советскому обществу. Она объявлялась «социальной» ценой перемен в стране, движущейся в направлении демократизации и свободного рынка. В этом движении участвовали как теоретики, продуцирующие объяснительные схемы, так и «простые» люди, оказавшиеся в сложной материальной ситуации. Опыт нисходящей мобильности или материальных затруднений, казалось, был знаком практически каждому. И если интеллектуалы полагались на себя, реализовывая свой академический интерес, накапливали «культурный капитал», подчас с трудом сводя концы с концами, то мои информанты не хотели быть бедными, надеялись на лучшее и на правительство, которое может в скором времени обеспечить им приличные условия существования.

¹ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 154–176.

² Там же. С. 161.

В ходе исследования мы сталкивались с многообразием мнений, точек зрения и позиций относительно того, что считать бедностью и в какой мере «посторонние», не сталкивающиеся с повседневными лишениями, имеющими дом, стабильную зарплату, свое дело, могут понять мир бездомного или человека, ограниченного в использовании предоставляемых рыночной средой возможностей. Бедность рассыпалась на множество составляющих и становилась еще более многозначной, чем до начала исследования, или от чтения книг в библиотеках. И весьма продуктивной в теоретических спорах, а также и «полевом» общении оказалась открытость и четкая позиция, обозначаемая как в теории, так и в практике взаимодействия.

Наблюдаемые смыслы, или Продвижение за пределы социальной ситуации

Правило 2. Валидность вместо надежности: *«Если мы не можем стандартизировать ответы в рассматриваемых случаях, лучше расшифровывать смысл речи и действия индивида. Мы замещаем тонкое описание толстым и изучаем конструирование смысла. Вместо методологического индивидуализма мы принимаем методологический ситуационизм¹.*

Мы видели, как постепенно менялись ожидания этих людей, как с течением времени приходилось примерять на себя статус «нуждающихся в государственной поддержке» и искать собственные способы решения проблем. В этих поисках постепенно обозначалась грань между теми, кто готов был полагаться только на себя, переходя с одного рабочего места на другое, преодолевая клеймо «неудачника» и «слабого», используя все имеющиеся возможности, в том числе государственную поддержку наиболее нуждающимся; а кто опускал руки и признавался в личной неспособности принимать рыночные правила игры и быть конкурентоспособным на рынке, не признающим имеющиеся способности и таланты, в частности, готовность много и интенсивно трудиться во благо коллективной идеи. Отсюда интерес к «крайним» бедным — с крайне низким уровнем материальных и социальных ресурсов, для которых уже забытое за годы советской власти ощущение голода становилось «нормой» жизни, и для которых чрезвычайно высоким был риск оказаться в числе постоянно бедных.

Из этих наблюдений и рефлексии над неработающими в повседневной реальности теоретическими конструктами появилось предположение о том, что новые формы бедности, а также ее объяснения, появлялись параллельно с возможностью политической системы организовываться в новые формы гражданского управления, а также формированием устойчивых практик реагирования населения на изменение прежней системы жизнеобеспечения.

И бедность уже виделась не проблемой недостатка средств для удовлетворения распространенных стандартов жизни, принятых минимально необходимыми в конкретных социальных условиях в данной стране, а проблемой социального исключения/включения в использование ресурсов, благ и привилегий. В этом случае групповое взаимодействие уже сложно было объяснить с точки зрения сугубо экономического поведения минимизации затрат и максимизации прибыли. Очевидно, она становилась также проблемой власти, субординации и дискриминации, проблемой реагирования населения на складывающиеся институты распределения благ и гарантий в условиях рыночной экономики.

Отсюда особое внимание к *официальным бедным* — признавшим свою нужду, обратившимся за государственной поддержкой, представившим подтверждение в ее необходимости и получившие вспомоществование. Обращение именно к этой категории снимало отчасти проблемы идентификации бедных, активно обсуждаемые в связи с ростом невидимых доходов, сложности учета не только денежного, но и имущественного состояния. Но что более важно, это позволяло обозначить и анализировать влияние политики идентификации «(не)достойных» помощи граждан на формирование застойной бедности.

¹ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 161.

Социальный контекст ситуации

«В развернутом монографическом исследовании ситуация межличностного взаимодействия (лицом к лицу) формируется не только внутренними, но и внешними реальными силами»¹.

Исследование одного города — методически не новое решение. Об опыте такой работы можно судить на основании известного Таганрогского исследования², исследований в Санкт-Петербурге³ или социологического исследования жилищных классов, проведенного в 1999 году (N=1125) в Сыктывкаре⁴. Выбор только одного города для проведения опроса был обусловлен исследовательскими задачами и возможностью сопоставления результатов с ранее проведенными здесь исследованиями. Он является типичным, или «среднестатистическим» российским городом. В социальных отношениях города, столице республики Коми, запечатлены как уникальные вехи освоения российского Севера, так и типичные для советских и постсоветских российских городов условия их становления.

Социально-экономическая ситуация в Сыктывкаре, в целом, отражала и продолжает отражать региональные, общероссийские и даже глобальные тенденции в сфере занятости и уровне жизни. За десятилетие реформ сформировался слой безработных, пик численности которого приходится на 1998 год. Имелся существенный разрыв между уровнем общей и зарегистрированной безработицы. Среди всех безработных наметилось преобладание мужчин, а среди зарегистрированных — большинство женщин. Схожие тенденции можно отметить и в динамике рабочих мест: сокращение численности занятых в промышленности, строительстве и транспорте, рост занятых в торговле, сфере услуг, банковской сфере и управлении. Постепенно росло число занятых малым предпринимательством. В то же время доля населения с доходами ниже прожиточного минимума оставалась достаточно высокой и продолжает сохраняться, несмотря на экономическую стабилизацию и уточнение статистических расчетов.

С началом рыночных реформ большинство производств пережило экономический кризис, который наиболее остро проявился в середине 1990-х годов в сокращениях, текучке кадров, административных отпусках и задержке заработной платы. Реальные семейные доходы существенно снизились, и изменилась их структура: доля доходов от оплачиваемой занятости упала с 72 до 46 %, и почти в два раза (с 19 до 42 %) увеличились доходы от предпринимательской деятельности, в том числе скрытой оплаты труда. Перенос экономической активности в неформальную плоскость и в домохозяйство сопровождался ростом уровня бедности и составил предмет озабоченности федеральной и региональной власти.

Начиная с 1997 года, в Республике Коми реализовывалась одна из трех новых методик определения нуждаемости и оказания помощи, пилотировавшихся в различных регионах России при финансовой поддержке Всемирного Банка⁵. В отличие от принятой ранее в России практики, все три новые методики были ориентированы на ограничение масштабов социальной помощи, избирательный (адресный) подход в оказании поддержки и использование концепции относительной бедности в расчетах числа наиболее нуждающихся. В настоящее время региональная социальная политика приведена в соответствие с федеральной, однако более щадящие условия

¹ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 197.

² Бедность: взгляд ученых на проблему / Отв. ред. М.А. Можина. М.: ИСЭПН РАН, 1994; Rimashevskaya N.M. Family Well-Being and Health. Project "Taganrog-3.5". Moscow: ISESP RAS, 1998.

³ Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structure and Everyday Life. Aldershot: Dartmouth, 1997; Бедность в России: Государственная политика и реакция населения / Под. ред. Д. Кругман. Вашингтон: Всемирный Банк, 1998.

⁴ Кротов П., Буравой М., Лыткина Т. Жилищная стратификация города: эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003.

⁵ Эта программа реализовывалась вплоть до 2001 года, а потом была свернута в ходе приведения в соответствие региональных инициатив с федеральным законодательством. Однако ее влияние сохраняется до сих пор. Анализ особенностей постсоветской системы социального обеспечения и адресной социальной помощи см.: Ярошенко С. Региональный профиль бедности: практика социального конструирования // Республика Коми: власть, бизнес, политика. Социологические этюды. Сыктывкар, 1998. С. 46–60; Сидорова В.А. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности // Социс. 2004. № 7. С. 83–94.

предоставления поддержки (без учета потенциальных и ряда косвенных доходов) не изменили ключевого принципа адресной поддержки наиболее нуждающихся, обратившихся за помощью и подтвердивших несостоятельность.

Иными словами, принципы государственной благотворительности были сформулированы таким образом, чтобы исключить помощь тем низкодоходным семьям, которые имеют экономический и трудовой потенциал. Предполагалось, что тем самым можно стимулировать активизацию внутренних резервов домохозяйства, пресечь иждивенчество и формирование экономической зависимости. В действительности этого избежать не удалось. Основными получателями социальной поддержки оказались работающие¹, а в крайней нужде находилась только четверть зарегистрированных бедных. Остальные крайние бедные выпадали из поля социальной защиты и стигматизировались как «недостойные».

Следует отметить, что постсоциалистическая трансформация вписывается и в общие глобализационные процессы: сворачивание промышленности, расширение сферы услуг, феминизация рабочей силы, сокращение возможностей для мужской части рабочего класса, фрагментация способов выживания на фоне сворачивания системы социальных гарантий.

Таким образом, сквозь призму одного случая в каждом исследовательском проекте раскрывается сложный механизм социальных отношений, что с одной стороны, облегчает задачу, а с другой — осложняет требованиями пристального внимания к деталям.

Изменения во времени

Правило 3. Историчность вместо повторяемости: *«Если повторяемость не достижима (кроме случаев с социологически тривиальными феноменами), поскольку мы не можем зафиксировать условия социального исследования, нам следует извлечь из этого преимущества и настаивать на помещении всех социальных ситуаций в поле отношений, которое их формирует»².*

Два раза в год на протяжении 1999–2002 годов в рамках двух упомянутых выше лонгитюдных исследований опрашивались по 20 человек в городе и селе из числа тех, кто обозначался «экспертным» сообществом в качестве бедных³, и проводились полуформализованные интервью с 60 респондентами (30 мужчин и 30 женщин) из числа зарегистрированных бедных в городе⁴.

В обоих исследованиях отслеживалось влияние стратегий занятости на материальное положение наших информантов и их семей. Принимались во внимание и стратегии выживания, выходящие за пределы оплачиваемой занятости: разнообразные формы активности по обеспечению семьи. Особый интерес представляли ситуации восходящей мобильности и консервации бедности: примеры разного «выхода» людей, занимающих равные структурные позиции — занятых на работах, не позволяющих обеспечивать прожиточный минимум. В первую очередь интересовало не описание или подтверждение бедности, а динамика материального положения, как и за счет чего происходила восходящая или нисходящая мобильность, как аргументировали и чем объясняли материальное положение и его изменение сами респонденты, совпадали ли смыслы исследователя и информанта. Через их интерпретацию шло реконструирование механизма, поддерживающего последовательное вытеснение на периферию материального благополучия. Основные его элементы высвечивались только через анализ предпринимаемых усилий по использованию возможностей, предоставляемых внешней средой. И уже в них четко проявлялось манипулирование нормами в достижении личных интересов, расхождение между словом и делом.

Повторные интервью в семьях официальных бедных позволяли увидеть изменения в стратегиях, выстраиваемых по поводу обеспечения семьи, решения повседневных проблем и опреде-

¹ Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных // Рубеж. 2001. № 16–17. С. 25–49.

² Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 162.

³ Подробное описание методики исследования см.: Ярошенко С. Северное село в режиме социального исключения // Социс. 2004. № 7. С. 71–82.

⁴ Подробное описание методики исследования см.: *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behavior* / Ed. by S. Ashwin. London: Routledge, 2006. P. 1–31.

ления планов на будущее. На их основании формировалась методика опросов, которые позволяли исследовать масштабы распространения крайней бедности, состав наиболее нуждающихся, а также увидеть типичные способы решения материальных проблем внутри домохозяйства.

Реконструкция теории

Правило 4. Реконструированная теория вместо обоснованной (grounded) теории:

*«Если мы не можем получить репрезентативной выборки, потому что нам неизвестны ситуации, с которыми сталкивается население, то, возможно, будет лучше отказаться от индукции, то есть выведения теории непосредственно из фактов. Теории не являются сконструированными из фактов *tabula rasa*¹, и старые теории реконструируются в диалоге с жизненным опытом»².*

Публичные обсуждения, адресная социальная политика и реакция населения ярко обозначили взаимодействие «культурных» и «структурных» факторов в процессе обеднения³. Постепенно, на фоне кажущихся растущими рыночных возможностей, бедность конструировалась как проблема и постыдный образ жизни. Довольно быстро в явной или скрытой форме реанимировались устаревшие обвинения бедных в их особой культуре, или неспособности адаптации к рыночным изменениям, отягченной алкогольной и прочими формами зависимости. Такое объяснение «лежало» на поверхности, но не учитывало кардинальных изменений в складывающейся системе жизнеобеспечения и конструирования «непривилегированной» социальной позиции, важным признаком которой была неспособность следовать средним стандартам потребления и быть успешным потребителем. Другое объяснение, отсылавшее к сложной ситуации на формирующемся рынке труда, также было недостаточным, и лишней раз подтверждало ограниченность полярных объяснений и поисков причин бедности либо в индивидууме, либо в обществе.

Отсюда идея режима социального исключения, институционального, или «практического» воспроизводства в социальных практиках и политике стигматизируемого меньшинства⁴. Социальный режим исключения – институциональное вытеснение на обочину материального благополучия, т.е. механизм ограничения доступа к материальным ресурсам через структуры возможностей (рынок труда, система социальной поддержки и так далее), условия достатка (образование, профессиональные способности, гражданский статус/права и так далее) и правила его достижения.

Этот режим проявляется через особые способы взаимодействия социальных позиций (структур возможностей) и практик управления нуждаемостью в первую очередь в домохозяйстве через выработку *стратегий выживания* — устойчивых правил решения материальных трудностей и поддержания достигнутого уровня достатка. Ограничения внешней среды сочетаются с неперспективными, не вписывающимися в логику рыночной системы привычными вариантами решения материальных трудностей. Комбинация возможностей действия в определенной социальной позиции и их реализация в повседневных решениях составляет каркас режима исключения. При этом в подвижной социальной ситуации, когда нет четких социальных предписаний и границ социального действия, усиливается роль стратегий выживания, трансформирующих влияние внешней среды, конструирующих и воспроизводящих ситуацию материальных лишений⁵. А параллельно, на фоне новой глобальной экономики и субъективного действия растут поиски иного (альтернативного) смысла жизни, не связанного с достатком, с исключительно потребительскими запросами и требованиями к рабочему месту лишь как к источнику дохода⁶.

¹ *Tabula rasa* (чистая доска) — тезис, применяемый к радикальной эмпирической точке зрения о том, что все знание происходит из опыта.

² Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 162.

³ Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43–51.

⁴ Ярошенко С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005.

⁵ Там же.

⁶ Ярошенко С. «Новая» бедность в России после социализма // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 42–72. (<http://www.soclabo.org>)